

Из-за вчерашних слов Гу Хэнчжи Цзи Линьсюэ не спал всю ночь. Фраза «я ждал» засела в голове заевшей пластинкой, и от неё в груди разливалось что-то тёплое, почти болезненное, отчего хотелось то ли улыбаться, как дурак, то ли зарыться в подушку и не вылезать до обеда. Он лежал, гипнотизируя потолок, а за окном медленно светлело небо, и где-то в пять утра он наконец понял, что спать уже бессмысленно. На следующий день после обеда он дождался, пока Гу Хэнчжи уедет, и тихо постучался к Шэнь Шаояню. Тот вернулся вчера и сразу засел за игры, проторчав за монитором до рассвета, и теперь шурился, как сова, которую вытащили на солнце и требуют отчёта о проделанной работе. В комнате было темно, шторы задёрнуты, пахло пылью и перегретым процессором, а на столе среди банок из-под энергетика сиротливо мигала лампочка роутера.

— Чего хотел? — проямлил он.

Цзи Линьсюэ присел на край кровати, и пружины жалобно скрипнули под его весом.

— Есть разговор.

Шэнь Шаоянь моргал заспанными глазами, пытаясь сфокусироваться на собеседнике:

— М? Что случилось? Вас уже похитили инопланетяне или ты просто хочешь признаться мне в любви?

Цзи Линьсюэ молча протянул руку, показывая кольцо. Металл тускло блеснул в утреннем свете. Шэнь Шаоянь уставился на него, потом на Цзи Линьсюэ, потом снова на кольцо, и на его лице медленно проступило понимание:

— О, так это та самая побрякушка, которую Хэн-гэ заказал в прошлом году? — Он почесал затылок. — Ну надо же. Добралась-таки до тебя. Целый год путешествовала, бедная. Видимо, у колец тоже бывают приключения.

Цзи Линьсюэ почувствовал, как внутри всё оборвалось.

— В прошлом году? — переспросил он, и голос его дрогнул. — То есть... он хотел подарить мне его ещё тогда?

— Ага, — Шэнь Шаоянь зевнул, прикрывая рот ладонью. — В день твоего отъезда. Мы всё подготовили, хотели устроить сюрприз, он собирался признаться. А ты взял и уехал, даже не попрощавшись как следует. — Он пожал плечами. — Он запретил нам рассказывать тебе.

Шэнь Шаоянь по привычке потянулся похлопать его по плечу, но осёкся, вспомнив про одного ревнивца, и отдёрнул руку:

— Он вообще много чего делал, пока ты был за границей. Думаешь, он бы отпустил тебя

одного, без присмотра? Боялся, что с тобой что-нибудь случится, и нанял телохранителей. Ты просто не знал.

Цзи Линьсюэ замер и опустил глаза на кольцо. Он ничего этого не знал. Ничего. И от мысли, что всё это время Гу Хэнчжи молчал, просто ждал и ничего не требовал, внутри что-то сжалось, горячее и острое, как запоздалый укол совести. Если бы он тогда не сорвался, если бы просто поговорил с ним... Он сглотнул и, когда голос перестал дрожать, тихо сказал:

— Спасибо.

Шэнь Шаоянь, видя его лицо, снова хотел было похлопать его по плечу, но перед глазами всплыл Гу Хэнчжи, и рука замерла на подлёте:

— Слушай, я вообще-то не должен был тебе этого говорить. Но я подумал, в отношениях главное, чтоб язык был, а не только глазами хлопать. — Он подмигнул. — Мало ли, вдруг пригодится.

Цзи Линьсюэ с трудом сглотнул ком в горле.

— Спасибо, — сказал он тихо. — За то, что рассказал.

Шэнь Шаоянь отмахнулся:

— Да не за что. Но ты это... если хочешь его порадовать, придумай что-нибудь. Он, знаешь, тоже человек. Ему тоже приятно, когда о нём заботятся.

Цзи Линьсюэ задумался. Придумать что-то? А что можно придумать, чтобы отплатить за целый год ожидания?

— А ты сам когда-нибудь пробовал делать сюрпризы? — спросил он, и Шэнь Шаоянь фыркнул:

— Я? Я — профессионал. У меня их сотни, тысячи! Но ты, Снежок... — он хитро прищурился, — не бери с меня пример. Я гений, а ты только учишься.

Цзи Линьсюэ закатил глаза.

— Да ничего не надо, — сказал Шэнь Шаоянь, понижая голос до заговорщицкого шёпота и пододвигаясь ближе, так что от него пахнуло шампунем, каким-то фруктовым, не то манго, не то маракуйя. — Ты и есть лучший подарок.

Цзи Линьсюэ пропустил это мимо ушей, отодвинулся от его шампуневого облака, мысленно

пообещав себе больше никогда не подпускать Шэнь Шаояня так близко, и через минуту предложил:

— Как тебе такая идея?

Шэнь Шаоянь выслушал, и глаза его медленно расширились.

— Ничего себе, Снежок! — присвистнул он. — С виду холодный, а на самом деле такой горячий. Неудивительно, что Хэн-гэ голову потерял.

Цзи Линьсюэ уставился на него, чувствуя, как внутри поднимается глухое раздражение пополам с недоумением:

— Горячий? Ты вообще о чём?

Но Шэнь Шаоянь, у которого в голове вечно крутился один компост, уже расплылся в скабрёзной ухмылке. Цзи Линьсюэ не стал допытываться:

— Мне, наверное, стоит этому поучиться?

— Чему? А, этому... Хочешь — давай, я знаю одно место.

Когда Гу Хэнчжи вернулся с работы, дома было подозрительно тихо. В гостиной было темно, только из-под двери кабинета пробивался тусклый свет, но и там никого не было. Ни Цзи Линьсюэ, ни Лу Юя, ни даже Шэнь Шаояня, который клятвенно обещал весь день рубиться в игры, но, судя по всему, тоже куда-то слинял. Гу Хэнчжи набрал номер Цзи Линьсюэ. Трубку взяли не сразу.

— Алло?

Голос на том конце провода принадлежал не ему, а Шэнь Шаояню, и у Гу Хэнчжи мгновенно испортилось настроение. Не то чтобы он ревновал, но почему его парень опять с этим балаболом?

— Где мой парень? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Занят, — Шэнь Шаоянь хихикнул с интонацией человека, который знает что-то, чего не знаешь ты, и очень этим доволен. Гу Хэнчжи захотелось оказаться рядом и отвесить ему подзатыльник. — Готовит тебе сюрприз.

Где-то на заднем плане раздался возмущённый голос Цзи Линьсюэ:

— Шэнь Шаоянь! Ты что несёшь?!

— Ой! Снежок, прости!

Послышалась возня, быстрые шаги, и через секунду в трубке зазвучал запыхавшийся Цзи Линьсюэ:

— Ты уже дома?

— Да, — Гу Хэнчжи не стал спрашивать про сюрприз, только улыбнулся. — Что хочешь на ужин?

— Давай что-нибудь простое. Мы тут с Шэнь Шаоянем как раз рядом с рестораном, купим навынос.

— Договорились. Я в кабинете, позови, когда приедете.

Гу Хэнчжи хотел сказать, что сам может приготовить, но передумал. Пусть делает что хочет, раз это делает его счастливым. Он повесил трубку и прошёл в кабинет, и шаги его гулко отдавались в пустом коридоре. На столе всё ещё горела лампа, и от неё по стенам разливался жёлтый, тёплый, почти медовый свет, в котором тишина казалась ещё гуще, будто дом затаил дыхание.

Цзи Линьсюэ опустил трубку и прищурился:

— Ты зачем ему сказал?

— Чтобы подготовился морально. А то ещё перевозбудится. Вдруг у него сердце не выдержит?

— Шэнь Шаоянь прижал руку к груди в театральном жесте. — Ты же знаешь, он у нас такой... впечатлительный. А тут ты. С сюрпризом.

Цзи Линьсюэ уставился на него в полном недоумении. Он всего лишь хотел сделать Гу Хэнчжи массаж, потому что тот целыми днями сидит в офисе и наверняка затекает спина. Что тут такого возбуждающего? Хотя место, куда привёл его Шэнь Шаоянь, и правда выглядело подозрительно: воздух густой, пропитанный приторным ароматом, от которого першило в горле, но массажист попался отличный, и Цзи Линьсюэ честно выучил несколько приёмов.

Домой с упакованным ужином они вернулись около семи. Цзи Линьсюэ нёс пакеты с едой, а Шэнь Шаоянь шёл следом, насвистывая что-то бодрое, и выглядел при этом как кот, который

не только объелся сметаны, но и знает, где лежит вторая банка. В гостиной было темно, только из-под двери кабинета пробивалась тёплая полоска света. Цзи Линьсюэ велел Шэнь Шаояню накрывать на стол, а сам пошёл звать Гу Хэнчжи. Постучал, дождался короткого «войди» и толкнул дверь. Гу Хэнчжи сидел за столом в очках. Увидев его, снял очки и потёр глаза.

— Устал? — спросил Цзи Линьсюэ, подходя ближе.

— Немного, — Гу Хэнчжи откинулся на спинку кресла и, не говоря ни слова, протянул к нему руки. — Дай я тебя обниму.

Раньше, если бы кто-то из мужчин попытался так по-детски попросить объятий, Цзи Линьсюэ молча развернулся бы и вышел, но когда это делал Гу Хэнчжи, внутри что-то переворачивалось, и сердце начинало колотиться где-то в горле. Он подошёл и тут же оказался втянут в крепкое кольцо рук. Гу Хэнчжи зарылся лицом в его грудь, и вдруг замер, напрягшись всем телом.

— Где ты был? — спросил он, поднимая голову. В голосе его слышались нотки, которых Цзи Линьсюэ раньше не слышал.

— Нос как у собаки, — Цзи Линьсюэ протянул руку и принялся мягко разминать ему висок. — Шэнь Шаоянь водил меня в один клуб. Наверное, их благовониями пропах.

Гу Хэнчжи не то чтобы не верил, среди бела дня в клубе всё равно ничего не бывает, но всё равно нахмурился.

— И зачем тебя туда понесло?

Он поднял голову, и в его глазах мелькнула такая искренняя, почти детская обида, что Цзи Линьсюэ почувствовал укол совести.

— Да так, ничего особенного.

Гу Хэнчжи прищурился. Было очевидно, что Цзи Линьсюэ что-то скрывает, но допытываться он не стал, только кивнул на его пиджак:

— Мне не нравится этот запах.

Цзи Линьсюэ мгновенно скинул пиджак и отбросил его на стул, где тот приземлился с мягким шорохом:

— А так?

Гу Хэнчжи снова втянул носом воздух, уткнулся в его плечо и удовлетворённо кивнул:

— Гораздо.

В этот момент в дверь постучали, и голос Шэнь Шаояня, полный театрального негодования, разорвал тишину:

— Ну сколько можно! Я тут умираю с голоду, а они там обнимаются! Хотите, сделайте это после ужина!

Цзи Линьсюэ отдёрнулся, как ошпаренный, и, стараясь не смотреть на Гу Хэнчжи, выпалил:

— Заткнись! — В его голосе прозвучало столько эмоций, что он сам удивился. Гу Хэнчжи тихо, довольно засмеялся и, поднявшись, подтолкнул его к двери:

— Идём. А то он и правда съест всё без нас.

За дверью уже вкусно пахло жареным мясом и соевым соусом, и из столовой доносился звон тарелок, которые Шэнь Шаоянь переставлял с места на место, явно не в силах усидеть на месте. Когда они вышли, Шэнь Шаоянь уже сидел за столом с палочками наготове:

— Лу Юй сказал, не придёт. Так что мы только вчетвером... то есть втроем. Всего четыре блюда.

— Ничего, главное, чтобы все наелись.

Это был их привычный ресторан, кормили там вкусно. За ужином Шэнь Шаоянь болтал без умолку, размахивая палочками так, что Лу Юй, сиди он тут, непременно получил бы по лбу, но Цзи Линьсюэ слушал его вполуха. Он то и дело ловил на себе тёплый взгляд Гу Хэнчжи, и от этого взгляда внутри всё переворачивалось. Быстро расправившись с ужином, они вместе убрали посуду. Шэнь Шаоянь просочился за Цзи Линьсюэ на кухню и ткнул его локтем:

— Я в бар. Сегодня ночью не вернусь.

Цзи Линьсюэ замер с тарелкой в руке и уставился на него. И зачем ты мне это говоришь? Шэнь Шаоянь выдержал паузу, ожидая хоть какой-то реакции, и, не дождавшись, закатил глаза. Я уже всё разжевал, а он до сих пор не понимает!

— Я создаю вам романтическую обстановку! Можно уже сказать спасибо?

До Цзи Линьсюэ наконец дошло, и лицо его моментально вспыхнуло, и он начал было: — Кто

тебя просил... — но осёкся, потому что, если честно, совсем не хотел отказываться.

— Ах так? — Шэнь Шаоянь заметил его колебания. — Тогда я остаюсь.

Цзи Линьсюэ закусил губу:

— Нет уж, иди.

Шэнь Шаоянь тихо захрюкал от смеха, но вдруг за его спиной раздался ледяной голос:

— Куда идти?

Гу Хэнчжи стоял в дверях кухни, прислонившись плечом к косяку, и было совершенно непонятно, сколько он уже там стоит. Шэнь Шаоянь кашлянул и повторил:

— Да так, ничего. Я в бар сегодня, на всю ночь. Не вернусь.

С этими словами он многозначительно стрельнул глазами в сторону Гу Хэнчжи. Тот остался невозмутим:

— Ясно. Будь осторожен.

В конце концов, все они взрослые люди и не лезли в жизнь друг друга, к тому же ночные гулянки Шэнь Шаояня были делом привычным.

— Кстати, Лу Юя тоже не будет, — добавил Шэнь Шаоянь уже на пороге.

Однако обещанного пожара страстей не случилось. После его ухода Цзи Линьсюэ и Гу Хэнчжи занимались каждый своими делами, убрали со стола, вместе посмотрели фильм, сидя на диване в гостиной, но Цзи Линьсюэ не мог сосредоточиться на экране. Телевизор бормотал что-то на заднем плане, но всё, что он слышал, это тиканье часов в коридоре и собственный пульс в ушах. Всё, о чём он мог думать, это о предстоящем вечере и о том, что он хотел сделать.

Цзи Линьсюэ долго стоял под душем, высушил волосы, сел на кровать и поймал себя на мысли: а что сейчас делает Гу Хэнчжи? Они были вместе всего несколько дней. По всем правилам постепенности дальше рук дело пока заходить не должно. «Это всё Шэнь Шаоянь со своими намёками», — подумал он, тряхнул головой и уже собрался полистать ленту перед сном, когда на экране всплыло сообщение.

Парень: У меня гель для душа закончился. Одолжишь?

Цзи Линьсюэ постучал пальцем по экрану и написал:

х: Сейчас принесу.

Пока шёл, сердце колотилось чаще, чем хотелось бы.

Но Гу Хэнчжи просто взял гель, сказал «спасибо» и скрылся в ванной. Цзи Линьсюэ остался стоять посреди комнаты. И что это было? Дверь приоткрылась, и из щели высунулась мокрая голова Гу Хэнчжи:

— Посиди пока у меня, я скоро выйду. Верну гель.

Ждать пришлось и правда недолго. Вскоре дверь ванной открылась, и Гу Хэнчжи вышел, обернув бёдра полотенцем, и капли воды стекали по его груди, по чётким линиям пресса, поблёскивая в свете лампы. Цзи Линьсюэ сглотнул.

— Почему ты не надел халат?

— Домработница постирала, ещё мокрый, — Гу Хэнчжи вытирал волосы. — У нас есть сушилка.

Гу Хэнчжи тихо засмеялся:

— Ладно, сдаюсь. На самом деле я пытаюсь тебя соблазнить.

Цзи Линьсюэ осёкся, залился краской и протянул ладонь:

— Где мой гель?

— Я, значит, тут стою, а ты только о геле и думаешь? — Гу Хэнчжи изобразил такое неподдельное изумление, что Цзи Линьсюэ чуть не рассмеялся, но на самом деле ему было просто неловко. Хотя куда уж неловко, когда они и раньше... впрочем, ладно. Пока он собирался с мыслями, Гу Хэнчжи уже подошёл вплотную, взял его за затылок и наклонился:

— Можно тебя поцеловать?

Цзи Линьсюэ выдохнул:

— Можно.

И тогда Гу Хэнчжи наклонился. Тёплые губы коснулись его, и Цзи Линьсюэ прошило током. В комнате стало так тихо, что слышно было только их дыхание и тихий, влажный звук поцелуя. Заметив, как он напрягся, Гу Хэнчжи скользнул ладонью ниже и принялся мягко разминать ему шею.

— Расслабься.

Расслабиться не получалось. Опыта не было ни у одного из них, но Гу Хэнчжи учился с пугающей скоростью. Сначала просто касался, пробуя на вкус, а через минуту уже целовал по-настоящему, глубоко и влажно, прикусывая нижнюю губу, и от этого по телу разливалась сладкая, тягучая истома. Цзи Линьсюэ вцепился в его плечи и начал отвечать, неуверенно, но старательно.

Сердце грохотало в ушах, в носу стоял свежий запах геля для душа, под ладонями перекачивались горячие мышцы, и этого двойного запала хватало, чтобы тело вспыхнуло. Гу Хэнчжи быстро перестал довольствоваться губами и протолкнулся языком внутрь. У Цзи Линьсюэ ещё хватало сил отвечать, но теперь они кончились, и ему оставалось только принимать этот поцелуй. Чужой язык скользил, переплетаясь с его собственным, и каждое прикосновение отзывалось электрическим покалыванием где-то глубоко внутри, а Гу Хэнчжи всё не отпускал его, крепко прижимая к себе. Неизвестно, сколько это длилось. Когда Цзи Линьсюэ уже начал задыхаться, Гу Хэнчжи наконец оторвался от него.

Цзи Линьсюэ, не обращая внимания на мокрый след у губ, жадно хватал воздух, как рыба, выброшенная на берег. Где-то через минуту дыхание выровнялось. Он поднял глаза и увидел, что Гу Хэнчжи выглядел спокойным, только дышал чуть тяжелее обычного. Поймав его взгляд, Гу Хэнчжи посмотрел в ответ, и от этого взгляда Цзи Линьсюэ замер. В глазах напротив плескалось желание, густое, тёмное, как грозовая туча перед ливнем. Он был готов морально, но в эту секунду всё равно захотел отступить, спрятаться, натянуть одеяло до подбородка и сделать вид, что ничего не происходит. К счастью, Гу Хэнчжи, кажется, не собирался продолжать, он просто прижал Цзи Линьсюэ к себе и принялся легко, словно невзначай, целовать его в макушку.

Цзи Линьсюэ смотрел в окно, и вдруг голос Гу Хэнчжи раздался у него над головой:

— А сюрприз, о котором ты говорил сегодня... какой?

Цзи Линьсюэ моргнул. Чёрт. Массаж. Он же собирался сделать Гу Хэнчжи массаж, хотел заодно и гель занести, но после их поцелуя из головы вылетело всё, включая здравый смысл. Он выскользнул из объятий, подвёл Гу Хэнчжи к кровати и легонько толкнул. Тот послушно лёг, глядя на него снизу вверх с молчаливым вопросом.

— Снимай одежду.

Гу Хэнчжи замер. Сначала ему показалось, что он ослышался, но потом, когда Цзи Линьсюэ, не дожидаясь реакции, сам потянулся к краю его полотенца, перехватил его руку:

— Тише, не так быстро. — Он поцеловал его в губы, голос стал ниже: — У нас ничего нет.

Цзи Линьсюэ наконец понял и залился краской до корней волос:

— Я просто хотел сделать тебе массаж.

— Массаж? — Гу Хэнчжи мгновенно сложил два плюс два. — Так вот зачем ты ходил в тот салон?

— Угу. — Цзи Линьсюэ стянул с него футболку и уложил лицом вниз. — Ты целыми днями сидишь — спина, наверное, затекает.

У Гу Хэнчжи была привычка каждый день ходить в спортзал, и вообще здоровье у него было отличное, спина от долгого сидения не болела, но раз Цзи Линьсюэ так о нём заботился, он, конечно, не стал отказываться, только усмехнулся:

— Ты сомневаешься в пояснице своего мужа?

— Что за бред, — рассердился Цзи Линьсюэ.

Гу Хэнчжи тихо засмеялся, но смех быстро оборвался. Цзи Линьсюэ разогрел руки, нанёс крем и принялся разминать спину: сначала мягко, потом сильнее, и с каждым движением по телу Гу Хэнчжи разливался огонь. Мышцы сводило, кожа горела. Он стиснул зубы.

— Хватит, — голос его прозвучал низко и напряжённо. — Перестань.

— Ещё один подход, — Цзи Линьсюэ, не видя его лица, продолжал добросовестно мять. — Я не закончил.

Гу Хэнчжи сел, молча спустил ноги с кровати и потянулся за тапочками.

— Я слишком сильно? Я могу легче... — Цзи Линьсюэ осёкся, опустив взгляд ниже, и мгновенно замолчал. Полотенце топорщилось. Гу Хэнчжи обернулся, посмотрел на него и ничего не сказал, но смысл был ясен: ещё минута, и он не выдержит.

Прошло, казалось, и много времени, и всего лишь мгновение. И сквозь тишину донёсся тихий голос Цзи Линьсюэ:

— Я могу помочь.

Гу Хэнчжи, собиравшийся надеть пижаму, замер и обернулся. Цзи Линьсюэ закусил губу:

— Хочешь? Либо я, либо ты сам.

Гу Хэнчжи шагнул к нему и легко провёл пальцем по щеке:

— Вместо того чтобы помогать мне, я лучше сделаю это вместе с тобой.

Цзи Линьсюэ ещё не понял, что значат его слова, как Гу Хэнчжи вдруг подхватил его на руки, осторожно опустил на кровать и навис сверху. Вскоре из комнаты донеслось неровное дыхание, а потом и тихое, сдавленное:

— Гу Хэнчжи, не трогай здесь.

— Как ты меня назвал?

Голос замолчал на мгновение, но шуршание одежды становилось всё быстрее. Наконец, не выдержав его ласк, он выдал из себя:

— ...Муж.

Тихий, полный глубокого удовлетворения смех:

— Мм.

Долго потом ещё не стихали звуки. Когда всё закончилось, Гу Хэнчжи отнёс его в душ, вымыл, передел в чистую пижаму и уложил в постель. Стащил с кровати скомканные простыни и закинул в стирку. Цзи Линьсюэ за всё это время ни разу не проснулся, видимо, действительно вымотался.

Менять постельное бельё было лень, так что Гу Хэнчжи просто перенёс его в его же комнату, уложил и поправил одеяло. Едва коснувшись подушки, Цзи Линьсюэ провалился в глубокий сон, даже не заметив, что кровать стала на полтона мягче, а подушка прохладнее, и только запах, терпкий, узнаваемый с закрытыми глазами, остался на коже вместе с теплом чужих рук.

Гу Хэнчжи лёг рядом и начал медленно, словно рисуя, водить взглядом по его лицу. В комнате было тихо, только за окном шумел ночной город да где-то в ванной мерно капала вода из крана, и в этой тишине его нежность казалась почти оглушительной. Свет уличного фонаря падал на его лицо, и в этом тусклом, желтоватом свете он выглядел моложе и беззащитнее.

— Больше никогда не уходи, — прошептал он. — Ты хоть знаешь, как я по тебе скучал?

Он всегда был сдержанным человеком, никогда не говорил таких откровенных вещей, но, возможно, из-за того, что сегодня между ними случилось нечто большее, у него появилось желание высказаться. В конце концов, Цзи Линьсюэ всё равно не слышит. Но в ту секунду, когда он закрыл глаза, чей-то палец легонько зацепил его мизинец.

— Не уйду, — донёлся его голос, сонный, но твёрдый, будто он повторял эту фразу про себя уже тысячу раз и наконец сказал вслух. — Гу Хэнчжи, я больше никогда тебя не оставлю.

<http://bllate.org/book/16531/1701750>